

Статья опубликована в: Культура народов Причерноморья: [научный журнал]. – Симферополь: Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского; межвузовский центр «Крым», 2009. - № 173. – С.92 – 95.

УДК 821.161.1 – 1/-3 Курков

Мусий В.Б.

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ОСНОВА «САДОВ ГОСПОДИНА МИЧУРИНА» А. КУРКОВА

Внимание автора статьи сосредоточено на сказочно-мифологической основе романа А. Куркова. Изучается место и роль в тексте таких архетипических образов, как «вода», «сад», «корабль», а также основных сюжетных мотивов сказки: «заглатывание», «тайная комната». Анализ архетипического в современном романе помогает выявить универсальный смысл его содержания.

Ключевые слова: постмодернизм, мотив, миф, сказка, архетип, образ, модель мира

У статті системно висвітлено особливості функціонування казково-міфологічного модусу в романі А. Куркова «Сади пана Мічуріна». Вивчено місце та роль у тексті таких архетипових образів, як «вода», «сад», «корабель», а також казкових мотивів – «ковтання», «таємнича кімната». Аналіз архетипового в сучасному романі допомагає уявити універсальний зміст подій у ньому.

Ключові слова: постмодернізм, мотив, міф, казка, архетип, образ, модель світу

The article deals with myth and tale as archetypal roots of A. Kurkov's novel. The author systematized a complex of mythological subject archetypes ("water", "garden", "ship"), motives of tale ("swallowing", "secret room"). The research makes it possible to understand the universal sense of events.

Key words: *postmodernism, motive, myth, tale, archetype, image, model of world.*

Одна из особенностей современной литературы - формирование новых жанровых стратегий. Этот процесс изучен в работах В. Гусева, М. Липовецкого, А. Мережинской, М. Эпштейна, многих других исследователей постмодернизма как художественного явления. В силу синтетической жанровой природы постмодернистского романа, важную роль в нем часто играют те элементы, которые усвоены из мифа или фольклора. «Модернизм, - пишет в связи с этим Г. Нефагина, - стремясь создать гармоничный мир субъективного сознания, ориентируется при художественном обобщении на архетипы (как интуитивное средство психологического постижения мира, способ коммуникации через коллективное бессознательное) и мифологию (как способ упорядочения субъективного мира) [8, с. 64]. **Цель данной статьи** – выявить и изучить архетипическое в романе современного киевского писателя А. Куркова, то есть те «символические конструкции», которые «через интерпретацию дешифруются в различные образные представления, но не тождественны им». Так определяются архетипы С. Крымским, В. Парахонским и В. Мейзерским [5, с. 47]. Ю. Доманский в качестве архетипического явления в художественном тексте рассматривает мотив. Именно в нем, по мнению исследователя, «архетипическое значение актуализируется всегда, вне зависимости от ситуации» [3, с. 27]. Более широко, не ограничиваясь лишь мифологической его моделью, архетипическое толкует А. Большакова. Для нее это ментальный прообраз, «матрица-константа», «общая для всех возможных вариантов развития» и структурирующая процесс восприятия художественного произведения, в которое она включена [2]. До сих пор роман А. Куркова «Сады господина Мичурина» не становился объектом специального научного исследования.

Действие в романе – это реализация легенды о попытке вывоза в США садов Мичурина и размещении их на одном из стратегически важных

островов в океане. Легенда бытовала в 30-е годы XX века. Герой произведения – реальное историческое лицо. Это известный ученый-селекционер Иван Владимирович Мичурин. Из письма к нему М. Калинина он узнает о решении политбюро Советского Союза поделиться некоторыми своими гибридами с учеными из Америки. Оставив дубликаты всех своих гибридов и новых сортов на Родине, ученый готовится в далекое путешествие, зная, что американские инженеры «аккуратно вырежут ... сад вместе с землей, перевезут на Финский залив и соберут снова воедино на подготовленном к плаванию понтоне».

Таким образом, с самого начала дается установка на достоверность событий и биографизм повествования. В романе упоминаются Ленин, Крупская, Калинин, Чкалов; в качестве персонажей выступают Мичурин, Горький. И одновременно этот биографический исторический пласт подвергается мифологизации, а описываемые события приобретают все более трагический смысл. Он становится очевидным, если «переключиться» на мифопоэтический план в толковании происходящего с ученым и его спутниками. На такой имеющей принципиальное значение для характеристики мифологического типа мировосприятия черте, как тождество реального и идеального (в данном случае – судьбы целого города и его названия) строится мотив обреченности всего того, что называют именем Горького. Корабль «Максим Горький», на котором плыли итальянские крестьяне, утонул. Самый большой самолет, которому было присвоено имя Горького, разбился. Сам писатель признается, что испытывает душевное беспокойство в связи с присвоением его имени чему-то еще: «Перед отъездом передали, что Нижний Новгород в мою честь переименовали ... Ох как бы там чего не случилось » [6, с. 270]. Поэтому сообщение о том, что острову в Атлантическом океане, «открытому» Мичуриным (на самом деле идет речь о саде, с которым он плывет в Америку), дали имя писателя Максима Горького, усиливает мысль, что герой плывет в «никуда».

И еще один пример мифологизации исторического в романе А. Куркова. В данном случае обосновывается оппозиция «красота – надежность» в интимных отношениях вождя и его жены. Свояченица Мичурина Настасья Васильевна рассказывает об истории отношений Ленина и Крупской. «Крупская, - сообщает она, - говорят, во время знакомства с Лениным очень красивая была, а после того как поженились они – сразу стала надежным товарищем, а красота вся неизвестно куда подевалась. Наверное, не настоящая была...». Подобный рассказ можно отнести к семейному преданию, одному из жанров устной народной прозы.

В качестве архетипической основы романа можно выделить также миф о культурном герое, даже демиурге. Ведь Мичурин не просто несет людям то, чего они до некоторых пор были лишены, но и создает не существовавшее ранее (сорта деревьев, летательный аппарат желдорлет).

Соответствует сказочно-мифологическому коду и характер художественного времени в романе. Находясь на острове, Мичурин вспоминает прошлое, свою юность. И оказывается, что при любой власти он чувствовал себя естественно лишь, находясь в своем саду. В начале путешествия Мичурин еще с оптимизмом представляет себе движение времени от прошлого («царизм») к настоящему («советская власть»). Он убежден, что царизм никогда не дал бы ему возможности отдаться любимому делу. «Они, - вспоминает Мичурин о представителях прошлой власти, - присылали чиновников, даже местного попа, который кричал на весь маленький его домик, что он, Мичурин, своими скрещиваниями отрицательно действует на религиозно-нравственные помыслы православных. Смешно ... Смешно и грустно. Он все равно еще при царизме спрятался в своем саду и делал там что хотел» [6, с. 40]. Но если разобраться, то и при новой, советской, власти он чувствовал себя нормально лишь потому, что находился далеко от центра, в своей лаборатории, в своем саду. Когда же он узнает о настоящей цели своего путешествия, он решает остаться навсегда на острове, отрезав себя, таким образом, от любой

политической власти. Итак, время движется по кругу, не неся с собой принципиальных перемен.

Мифу в силу своего генезиса непосредственно близка сказка. Поэтому архетипическое в романе А. Куркова присутствует в синкретическом единстве мифопоэтического и сказочного. Начнем с того, что уже само название произведения ориентирует читателя на сказочный топос «сад», зачарованный локус дискретного пространства. Герои произведения осознают, что оказались «за тридевять земель» от дома, отправившись на острове-саде в далекую Америку. При этом их сад все время окружен водами океана. Известно, что мотив водной стихии в ее разнообразных превращениях является древним мифологическим мотивом «вечного изменения и движения» [7, с. 71-72].

Прежде всего, водное пространство присутствует в космогонических и эсхатологических мифах как стихия первотворения, очищения от демонического и одновременно уничтожения всего сотворенного. Поэтому, если обратиться к сюжету всемирного потопа, то океан в нем представляет собой весь мир, заполняемый водами, которые смывают прежнюю жизнь. Но известно, что любая космогония содержит мотив спасения избранных для создания новой жизни (Атрахасис, Утнапишти, Зиусурда, Ной). Как правило, избранные богов переживают эсхатологические моменты, находясь в ковчеге. Ковчег же противостоит этому океану как «предельно освоенное пространство» [7, с. 73], дом, жилище.

В романе А. Куркова сад Мичурина – это одновременно и его ковчег. Ученый и сопровождающие его в путешествии женщины (его дочь Мария Ивановна и сестра умершей жены Настасья) убеждаются в этом, осматривая впервые свой остров. Здесь находится точно такой же дом с такой же верандой, как и на опытной станции, где раньше они жили. Под потолком в комнате висит «знакомый абажур из зеленого атласа». Рядом с домом растет такой же, как и на станции, куст крыжовника. Незаметны швы, соединяющие составленные вместе кубометры почвы, что усиливает впечатление

знакового сада. «Гениально!» - восклицает ученый, не веря собственным глазам [6, с. 30 - 31]. С Мичуриным и его семьей отправляются в путешествие радист Дмитрий Прохоров, одновременно исполняющий обязанности завскладом, и летчик Леня Горовец. Для желдорлета, летательного аппарата, который изобрел Мичурин и который Леня должен проверять в пути, на острове сделаны рельсы. Учитывая эти характеристики острова-сада Мичурина, мы и соотнесли его с ковчегом: на нем собрано все необходимое для жизнедеятельности большого числа людей, которые в конечном итоге, на нем и собираются на время или же навсегда. Из подобного соотнесения «сад – ковчег» легко может быть выведена мысль об обреченности всего остального мира гибели в силу укрепляющегося в нем хаоса. Ведь обитатели ковчега во всех мифологиях – те избранники, которым дано спастись в момент гибели всего миропорядка.

Кроме ковчега, в романе присутствует и корабль. Мы имеем в виду воспоминания М. Горького об утонувшем теплоходе, названном в его честь, а также подводную лодку, на которой разворачиваются не менее драматические, чем на острове, события. Как и сад Мичурина, подводная лодка – освоенная часть пространства, в отличие от океана. Но менее естественная, органичная для жизнедеятельности, чем сад. Поэтому, несмотря на то, что на подводной лодке есть все для еды и отдыха, попадание на нее героев оказывается опасным и даже губительным для них.

Как и положено сказочному топосу зачарованного сада, в саду Мичурина растут волшебные, «молодильные» яблоки. Об их силе ученый узнает внезапно, она появилась в плодах совершенно неожиданно для него. На их волшебный характер обращает внимание Максим Горький. «Я вот утречком яблочко одно с дерева сорвал – солено-кисло-горькое – и не поверите, - сразу удивительную бодрость ощутил, словно в сказке! Помните народную сказку про молодильное яблочко?» [6, с. 269]. А позже в сказочной силе яблок убеждается и сам Мичурин, проверив на вкус сорт «комсомолец» - «ярко-красный плод, чуть вытянутый, с крутыми верхними забочинами».

Происходит нечто странное. «Откусил Иван Владимирович яблоко и забыл обо всем. Соки в нем словно закипели, и возникло такое острое желание активности, что будь он помоложе – побежал бы (страшно представить себе!) в дом терпимости, дабы избавиться от первобытного физиологического кипения. Шаги Ивана Владимировича стали шире обычных, и так, не думая вообще о яблонях, пронесся он черед сад и к двору испытательной станции вышел» [6, с.273].

К сказочно-мифологическим мотивам в романе Куркова относится и заглатывание с последующим добыванием проглоченного из утробы чудовища. Обычно в сказке таким чудовищем-поглотителем является змей. Задавшись вопросом об исторических корнях этого мотива, В.Я. Пропп связал его с ритуалом инициации. В ряде случаев, указывал ученый, «посвящаемый пролезал через сооружение, имевшее форму чудовищного животного. Там, где уже сооружались постройки, это чудовищное животное представлено особого рода хижиной или домом. Посвящаемый как бы переваривался и извергался новым человеком» [9, с. 225]. В Библии есть сюжет об Ионе, который был проглочен и извергнут китом. Самое замечательное в этом мотиве проглатывания и последующего исторжения наружу заключается в том, что заглатывающее животное оценивается как «благое существо» [9, с. 229]. Благодаря пребыванию в его утробе человек приобретает какие-то особенные способности: начинает понимать язык животных, получает огонь. Иона обретает дар прорицательства. В «Садах господина Мичурина» из утробы появляется не человек, а книга. Матросы с подводной лодки, поселившиеся на время на острове Мичурина, обнаруживают мертвую акулу, которую прибило к берегу. Поскольку есть «старинная примета», заключающаяся в том, что нужно обязательно разрезать желудок акулы, они приступают к исследованию того, что она за свою жизнь проглотила. Присутствующий при этом Мичурин замечает «нечто правильной канцелярской формы» - папку. «Раскрыл он папку, - сообщает повествователь, - и увидел там слипшуюся бумажную массу с

полуразмытыми записями на первом листе. Наклонился Мичурин прямо к исписанному листу, и удивленной радости его предела не оказалось. На верхнем листе смокшейся рукописи написано было: «Максим Горький. Роман «Возвращение Матери». «Вот писатель обрадуется!» - подумал Мичурин, держа в руках бесценное литературное сокровище» [6, с. 278]. Таким образом, акула оказалась и в самом деле «благим» животным – спасла для человечества второй том «Матери» М. Горького.

Другой сказочный сюжетный мотив, в отличие от «проглатывания и исторжения наружу», связан с наличием угрозы и для острова-сада, и для его обитателей. В.Я. Пропп определил его как мотив «запретного чулана» и связал с комплексом «большого дома». Известно, указывал исследователь, что в «мужских домах хранились святыни племени, запрещенные для непосвященных» [9, с. 141]. В сказке «запретный чулан» может находиться в «большом доме», в доме разбойников, на том свете. Кроме того, писал В.Я. Пропп, «запретный чулан имеется с самого начала сказки в родительском доме. Тайна этой комнаты хранится до самой смерти отца героя. Умирая, отец передает сыну или верному слуге ключи от всех комнат, завещая не открывать одной из них» [9, с. 144]. Табу на проникновение в эту комнату обязательно нарушается, что и открывает дорогу беде. В романе А. Куркова этот мотив появляется в самом начале описания путешествия. Завскладом обнаруживает комнаты, от которых у него нет ключей. Но еще более важен в данном отношении момент поимки матросами с лодки незнакомца, которого в радиোগрамме от товарища Калинина именуют электриком Федором. Взяв с ученого подписку о неразглашении тайны, тот ведет Мичурину к квадратному люку, покрытому травой. Спускаясь за Федором вглубь на девять метров (практически, кругов ада), Мичурин попадает в нижний мир своего острова. «Низ», как известно из всех мифологий, является пространством смерти. В романе Куркова не только потому, что после аварии находящийся там опреснитель испортился, в дренаж для деревьев пошла соленая вода, возникли проблемы с генератором

и дизелями. Встреча с Федором открыла Мичурину настоящий смысл его плавания. Ученый, выращивающий плоды для продолжения жизни, как оказалось, вез свой сад, чтобы лишить жизни многих людей. С помощью острова-сада планировался грандиозный взрыв. В связи с этим символический характер имеет сравнение «электрика» с «сеятелем». Как правило, образ сеятеля – это образ «культурного героя», который несет жизнь в почву, в массы людей. У Куркова он везет смерть. «Здесь, - и Федор сделал широкий жест сеятеля, - пятьдесят тонн новой особо мощной взрывчатки. Просто, когда мы к городу подошли бы, я должен был кнопку нажать и за час как можно дальше от острова отойти и спрятаться...» [6, с. 303]. Так сказка перетекает в детектив, а в конечном итоге и в социальную антиутопию [1], поскольку, как пишет Д. Затонский относительно другого постмодернистского романа, «Мадрапура» Роберта Мерля, речь идет об утрате смысла, потере цели и тем самым – «начале конца» [4, с. 208]

По своему содержанию роман А. Куркова, конечно же, гораздо ближе литературным архетипам (сатира, утопия, детектив, непосредственно романическое начало, заключающееся в отображении исключительных событий и героя, вступающего в противоречие с окружающими). И в качестве **одного из перспективных направлений его изучения** назовем выявление места и роли каждой из названных составляющих его синтетической жанровой природы. Что же касается непосредственно сказочно-мифологического пласта в нем, то он необходим в первую очередь для усиления условности повествования, а тем самым и возможности максимального обобщения, придания описываемым событиям универсального смысла. Не менее при этом важно и то, что сказочно-мифологическое начало в романе А. Куркова передает характерное для постмодернизма переживание трагического по своей сути порогового состояния мира.

Источники и литература

1. Бесчетникова С.В. Утопическая парадигма художественного мышления переходной культурной эпохи (на материале русской прозы рубежа XX –XXI вв.): [монография] / С.В. Бесчетникова. – Донецк: Лебедь, 2007.
2. Большакова А.Ю. Теория архетипа на рубеже XX – XXI вв. / А.Ю. Большакова // Вопросы филологии. – 2003. - № 1 (13). – С.37 – 48.
3. Доманский Ю.В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: [Пособие по спецкурсу] / Ю.В. Доманский. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999.
4. Затонский Д.В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств / Д.В. Затонский. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
5. Крымский С.Б. Эпистемология культуры: Введение в обобщенную теорию познания / С.Б. Крымский, Б.А. Парахонский, В.М. Мейзерский. – К.: Наукова думка, 1993.
6. Курков А. Сады господина Мичурина / А. Курков. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
7. Неелов Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики / Е.М. Неелов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.
8. Нефагина Г.Л. Принципы взаимодействия художественных систем и стилей в русской прозе XX века / Г.Л. Нефагина // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики: [Материалы Международной научной конференции: В 2 ч. – Ч.1 / Под ред. Т.Е. Автухович]. – Гродно: ГрГУ, 2001. – С.62 – 70.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.

